

Если обратиться к классификации прозаических произведений времени Великой Отечественной, можно заметить, что на сегодняшний день для обозначения прозы периода этой войны используется несколько определений: «лейтенантская проза», «проза психологического драматизма» (Анатолий Бочаров относил к ней произведения Георгия Бакланова, Юрия Бондарева, Василия Быкова), «проза убитого поколения», «проза второй волны», «окопная проза», «проза фронтового поколения».

И стихи «фронтового поколения» логично было бы по аналогии с прозой называть «окопной поэзией», «лейтенантской поэзией» и так далее. Но термин «окопная поэзия» был занят английскими поэтами ещё в Первую мировую войну.

Современность после афганской, чеченской, а теперь и сирийской кампаний тоже явила миру талантливые имена. Но группы, распределённые на протяжении века, всё-таки не имеют общего термина в отличие от «окопной прозы». Поэтому для обозначения направлений военной литературы нужно вводить вневременные термины (чтобы они использовались и в будущих войнах).

«Окопная поэзия» ассоциируется с английскими поэтами Первой мировой, но кто об этом знает, кроме узких специалистов, «фронтовая поэзия» — с «фронтовым поколением» Великой Отечественной. И конечно, не подойдёт определение, которое будет содержать громоздкие конструкции типа «военная поэзия боевых действий». Поэтому при выборе термина я склоняюсь к «окопной правде». Отсюда и название этой статьи.

С началом Специальной военной операции многие поэты живо откликнулись на события, происходившие на фронте. Но в большинстве своём это были тыловые поэты, слагавшие духоподъёмные стихотворения публицистического стиля.

А в мае 2022 года в социальных сетях появляется видеозапись с авторским прочтением стихотворения «Три дня» Сергея Лобанова. В считанные часы видео набрало десятки тысяч просмотров. Настоящая фронтовая история окопной правды, пробирающая до мурашек, была прочитана гвардии старшим сержантом Лобановым прямо на линии боевого соприкосновения. Представьте себе, если бы у нас сохранилась кинолентка, на которой поэт-фронтовик Семён Гудзенко читает во время Битвы за Москву в начале 1942 года своё гениальное стихотворение «Перед атакой», написанное в подмосковных окопах...

Стихотворение «Три дня» стало первым в ходе Специальной военной операции стихотворением направления «окопной правды». Новая страница истории военной литературы была открыта и написана молодым поэтом Сергеем Лобановым.

И каждый раз я с огромным трепетом слушаю фронтовые стихотворения «Три дня» своего друга-десантника, участника СВО, члена Союза писателей России со 2 марта 2022 года, гвардии лейтенанта Сергея Лобанова.

Через некоторое время в социальных сетях появляется видеозапись второго стихотворения Сергея Лобанова «Ночь перед боем». И снова — успех!

Окопная правда Сергея Лобанова отличается множеством деталей, о которых знает только человек, видевший всё своими глазами:

*Над полем, где травы обжили мышами,
Где щедро посеяны тысячи гильз,
«Медведицы» черпают небо ковшами
И звёзды срываются каплями вниз.*

Четыре строчки. С одной стороны — кажется, что перед нами описание ночи на фронте. Но стоит вчитаться — и жуткая картина встаёт перед взором. Бои на местности идут давно («трупы обжили мышами» — трупы врагов, которые лежат здесь не первый день; своих погибших мы забираем и хороним). «Посеяны тысячи гильз» означает, что идут упорные бои на одном и том же месте. Это — малые детали, из которых складывается большое полотно происходящего.

*В поднятые плечи упрёт приклады,
Аптечки с эранатами рядом лежат.
Подготовки к любому раскладу —
Им всем не впервой оборону держать.*

Это самое страшное четверостишие стихотворения. И весь ужас — снова в деталях! «Поднятые плечи» означают, что бойцы изготавились к стрельбе и близкому бою. Но положение очень тяжёлое, и об этом говорит строка «Аптечки с гранатами рядом лежат» — аптечки используются для перевязки небольших ранений, но, если нет надежды на спасение и враг близко — будет использована граната и в плен не сдастся ни один солдат.

*Всего пять позиций. На каждой — по трое.
Немного от роты осталось ребят.
Но с ними в окопах невидимым строем
Погибише братья с молитвой стоят.*

Даже в усечённом составе рота — это 60-70 человек. Пять позиций по три человека — это

— мастерство (именно этому учат в Литинституте, на литературных курсах, семинарах, в учебниках по поэзии и др.);

— жизненный опыт;

— сила и направление движения авторской эмоции, мысли, духа (отсюда рождается и уникальная поэтическая интонация автора, по которой его ни с кем не спутаешь).

Таким образом, эмоции, остро переживаемые в условиях военного времени, требуют выхода, а полученный уникальный жизненный опыт приводит к качественным изменениям поэтического мастерства. И поэт переходит на новый уровень.

В Битве за Москву 1941-1942 гг. родилась русская советская фронтовая лирическая поэзия, и

*Коль «орки» мы — тогда узрите, как
Великий ЗОВ спасает мир от скверны!*

Великая миссия России — спасти мир от скверны, возложена на простого русского солдата, который сейчас — вместе с другими такими же солдатами — плоть и кровь этого русского кулака. Великое мастерство поэта — сплести в одном стихотворении фантазийную Вселенную, символику России в СВО и — всеобъемлющую любовь к Родине. Поэтому публицистические стихотворения Сергея — это практически эталон духоподъёмной лирики времени СВО.

Отдельной главой в военном творчестве Сергея идут лирические стихотворения. Посвящения жене, размышления о будущем — думы, которые

из них не обращался к Богу. Они писали о русском солдате, о Родине, о чувствах защитников, о любви к России и о ненависти к фашизму, но практически никогда — о Боге. Некоторые случаи были, но редко — в религиозном контексте. Например, в стихотворении Семёна Гудзенко «Моё поколение» (1945):

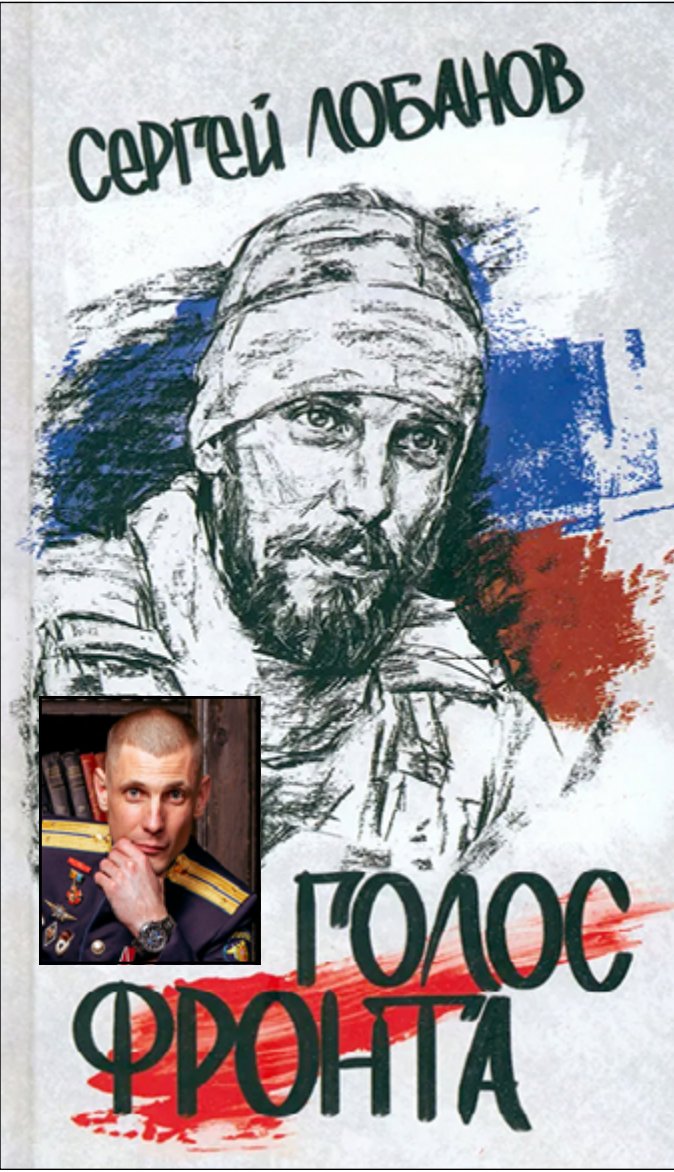
*Нас не нужно жалеть,
ведь и мы никого б не жалели.
Мы пред нашим комбатом,
как пред господом богом, чисты.*

Но в этом стихотворении Бог написан со строчной (маленькой) буквы. Скорее всего, поэт рассматривал упоминание Бога в качестве метафоры.

«Окопная правда» Сергея Лобанова

Игорь
ВИТЮК

Предисловие к книге стихов «Голос фронта»

тревожат любого солдата, ежедневно рисующего жизнью. И даже уверенность в Победе у Сергея приобретает трогательный лирический оттенок.

*Другие стихи, понимание комфорта,
Другие дела.
По линии жизни на линию фронта
Судьба привела.*

*А линия фронта длиною в атаку,
Кому-то — в рывок.
И кто-то закончит великую драку
За тех, кто не смог,*

*Земле, что вчера
называлась чужбиной,
Прошепчет: «Моя!».
И кто-то подарит ромашки любимой.
Надеюсь, что я...*

В этом коротком пронзительном стихотворении — и вера в Победу, и надежда на то, что он вернётся домой, — и горечь от потери друзей, и переоценка нравственных ценностей после попадания на фронт. И всё это может рассказать своему читателю только поэт-фронтовик.

Я неоднократно задавался вопросом о творческой судьбе Сергея Лобанова. Его стихи, только появляясь в социальных сетях, буквально разлетаются по личным страницам и группам, их цитируют и ждут. За два года Специальной военной операции Сергей вырос из обычного поэта в поэта состоявшегося, чья имя вызывает неизменный восторг и огромное уважение. И недавно меня ошеломило — почему. Стихотворения Сергея Лобанова направлены в выс, в чистые Небеса. И благодаря поэту Сергею Лобанову в стихотворения направления окопной правды состоялся возвращение Бога. И в этом заключалась великая миссия, боевая задача поэта Лобанова, которую он с честью выполнил.

Когда я говорю о направлении движения в стихах автора, то подразумеваю, что в стихотворении можно:

— стремиться ввысь — к Богу, пытаться приблизиться к Нему, лелея и развивая в себе и читателе то, что присутствует в человеке «по образу и подобию Божию»;

— падать, то есть держать курс на преисподнюю, — поэтизируя, романтизируя и даже пропагандируя грех в разных его проявлениях;

— можно попробовать остаться на нейтральных позициях, занимаясь только самовыражением (самовыражение, как цель творчества, свойственно в разной мере каждому поэту). Но поскольку земная жизнь так устроена, что практически все её проявления полны соблазнов (то есть искушения — повсюду!), то «стояние на месте» невозможно: течение реки жизни сносит человека вниз, если не прилагать усилий, чтобы плыть против течения.

Великая Отечественная война воспитала целую плеяду великих фронтовых поэтов, но никто

А вот у Константина Симонова в стихотворении «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины» во второй строфе есть строки:

*Как слёзы они вытирали украдкою,
Как след нам шептали: господь вас спаси!*

Симонов тоже учёл требования цензуры, написав слово «Господь» со строчной буквы. А возможно, был убеждённым атеистом, коль скоро велел после смерти свой прах развеять.

В лучшем случае поэты Великой Отечественной оставались на нейтральных позициях. У Сергея Лобанова Бог занимает главное, центральное место.

*Мы неспешно шепчем строки
Девяностого псалма.*

Девяностый Псалом — «Живый в помощи» — лучшая (потому что Божья) защита в тяжёлой ситуации, и Сергей — первым — пишет об этом в стихах. О том, что в окопах нет атеистов, говорят многие, но в фронтовые стихи веру в Бога первым принёс именно Сергей Лобанов. В этом и есть устремление поэзии Сергея в выс, к Богу, без которого триада «талант-мастерство-жизненный опыт» не может привести к успеху.

Уже в своём первом стихотворении участия в СВО «Три дня», посвящённом своему другу Александру, пролежавшему трое суток с тяжёлыми ранениями во вражеском тылу, вторая строфа звучит так:

*Израженный, среди дыма и огня,
Три дня лежал ты в поле у дороги,
Когда твои погибшие друзья
Уже в раю беседовали с Богом.*

*...Живи, мой братец, всем смертям назло!
Со временем затянутся все раны.
И знай, тебе не просто повезло —
У Бога на тебя другие планы.*

Стихотворение «На фронте» завершается такими строками:

*...На фронте перед пулей все равны
И в Бога верят чаще, чем в приметы.
Или ещё один пример из стихотворения «Война»:*

*Как многие из нас на дне траншей,
От мун спасаешь, Бога вспомнил?
Как в сумраке холодных блиндажей
Иначе жизнь и смерть воспринимали?*

Простая истина о том, что Бога люди вспоминают в минуту, когда им плохо, — на войне воспринимается совсем иначе. Бог всегда был на войне рядом с русским солдатом, и сейчас Бог — в фронтовых стихах Сергея Лобанова. Такой поворот в русской военной литературе выводит её, наконец, на верную дорогу — дорогу духовности и веры:

*Ведь в Армии России есть духовность,
Которой наделяет только Бог.*

Воин и поэт Сергей Лобанов идёт этой дорогой духовности. И дай Бог, чтобы эта дорога у Сергея была длинной и интересной.

(Полная версия на сайте ДЛ)

Когда знакомишься с рассказами Владимира Квашнина, то с каждым новым прочтением всё отчетливее, с нарастающей радостью души понимаешь, что не перевелась ещё на земле русской настоящая литература и искать её надо в нашей глубинке — там, где сохранилась жизнь человеческая — в полном смысле этого слова.

Рассказы Квашнина — не просто охотничья проза, как это может показаться на первый взгляд. Хотя он, несомненно, достойный продолжатель этого жанра, подобно возобновившему его в своё время после долгого затишья певцу природы Западной Сибири писателю и журналисту Новомури Патрикееву. Но Владимир Квашнин вместе с тем — автор глубоко философских произведений: он размышляет-скорбит (ибо так велика его сердечная боль, его человеческая обеспокоенность!) о тех катаклизмах, в первую очередь духовных, которые обрушились на всю планету, на родную землю и на малую родину самого писателя.

Главных героев Владимира Квашнина отличает одна особенность: они — как, бесспорно, и сам автор — отмечены генетической, неиспагемой христианской любовью ко всему сущему. Будучи охотниками по происхождению и по судьбе, они владеют ещё одним видом оружия, который непобедим, никогда не даёт осечки, даже если по бытующему взгляду на вещи ты проиграл. Этот вид оружия и есть — любовь.

У Романа Романыха эта любовь и с лесной избушкой, которая, как мать со скучившимся по нему, «слёзы по стеклу оконому в три ручья льёт», и с синим далам, вид на которые раскинулся с родных берегов... И у сохатого, ставшего его неожиданной добычей, просит он сердечного прощения: «Ты уж прости меня, волка безродного, что забрал душу твою. Уж так жизнь устроена, милый».

Рассказы Квашнина увлекательны именно потому, что в них мы встречаемся с реальными вызовами современности и богатейшим опытом автора, родной ширью мира природы и человеческих чувств и живым фейерверком слов, выражающих и отображающих их.

Главные герои Владимира Квашнина — богато наделены той любовью, от острой нехватки которой задыхается сегодня человечество, обманываясь ложными утешениями и уповая на переходящие материальные блага. О том, что в последние времена по причине умножения беззакония во многих охладает любовь, повествует Священное Писание — и мы действительно наблюдаем это в наши дни. Картины такого беззакония и его последствий предста-

ют на страницах произведений Владимира Квашнина, патриота своей земли, народа и языка.

О чем задумываются охотники Романых из рассказа «Богом целованный» и Алексей — главный герой охотничьей были «Коготь Манараги»? «Люди, коих знал десятки лет, изменились почти до неузнаваемости. Нахива да корысть в каждом поступке на первом месте стали... Беда ведь с тайгой-то. Ладно бы от Божьей искры пожары, так ведь и сами стали поджигать, чтобы осязая самим же и выжестнуть ослепленный кедр да деньгу заработать... А почему такой произвол в тайге? А потому что охраны никакой нет».

Елена РУСАНОВА

Торжество света

По рассказам Владимира Квашнина и Татьяны Грибановой

веточки придорожной зазря не сломит, и самку или несмышлёного сеголетка стрелять не будет: жалко, говорит.

Не страдает излишней рефлексией по поводу своей любви к окружающему охотник Роман, а просто знает твёрдо, что будет всегда бережно относиться ко всему и всем на своём пути, что лишнего у Природы никогда не возьмёт, а уж отдавать старается — больше. С Божьей помощью Роману Романыху всё по плечу. Живёт он только своим натуральным хозяйством да чем лес прокормит, другой работы в селе тепер и не найти. И убеждён Роман, что вечное — сотворённый Богом мир природы — останется вечным, а сегодняшние бездушные разорители его уйдут и забудутся навсегда.

Алексей горько переживает, что не успел принять от отца в наследство опыт и мудрость охотничьи (зелен ещё был), и плачет он оттого, что убитый им волк перед тем, как ткнувшись мордой в снег, лизнул охотнику руку. Проносаясь в голове Алексея мысли о великой тайне одиночества, которая, может быть, известна была и этому лесному зверю, как множество брошенных в российских лесах и сёлах стариков. Корит его совесть за недостаточное внимание к собственным родителям и за страсть к охоте. И понимает наш герой, что главное в жизни у человека — «внимание к родителям, забота о детях, о близких и дальних. Успеть за свою жизнь сделать добра столько, чтобы потом, когда наступит срок, и умирать было не стыдно». Солнце дружески подмигивает Алексею, и ему становится вдруг ясно, как он должен бесконечно радоваться окружающему миру, но главное — чтобы мир мог ему радоваться.

Неслучайно в сложной охотничьей ситуации на помощь Алексею приходят отцовы советы и «калёный... подарочек» — капкан родного дёда Нестора. На фоне разворачивающихся в морозной югорской тайге событий высвечивается серебряной нитью не просто преемственность поколений рода охотников, но та истина, что без спасающей связи с прошлым в мире, полном видимых и невидимых опасностей, человеку не выжить.

А наше прошлое — эта высокая культура охоты и отношения к природе, особая культура человеческих отноше-

ний. И все это зиждется на вере предков, на той духовности, без которой на земле остались бы только рынок, нажива да бумаготворчество.

Рассказы Владимира Квашнина настолько многоплановы и глубоки, что кажется, это и не рассказы вовсе, а часть души автора — бескрайнего мира его мыслей и переживаний, которые должны были вылиться в крупные литературные формы. И в то же время сегодня, когда жанр рассказа требует возрождения, можно сказать, что это поле уже зацвело благодаря перу поэта и прозаика Владимира Квашнина.

Читая рассказы Татьяны Грибановой, погружаешься в родные воды любимой реки — классической русской литературы. Как у матушки Волги, не счесть у неё притоков и рукавов и, как у великой нашей кормилицы и попилицы, от истока до устья она всюду разная, но оттого любовь к ней ещё сильнее.

Василий Иванович Белов в своей знаменитой энциклопедии русской жизни «Лад» создал литературный памятник народной эстетики Вологодчины, а Татьяна Грибанова, мне видится, воспекает и сохраняет для потомков на страницах своих произведений народную культуру, эстетику родной Орловщины. И всякий думающий читатель сможет почерпнуть живой воды из рассказов, проникнутых насквозь, а вернее, сотканых из той правды, свидетельницей и участницей которой по-настоящему стала автору.

Необыкновенно прекрасный язык простого народа орловских сёл и деревень в самом лучшем своём проявлении отразился в полотнах рассказов Татьяны Грибановой. В совершенстве владея знанием удивительных свойств его красок, автор создаёт потрясающе живые, объёмные и впечатляющие картины отчего края, его обитателей, их традиций и особенностей судьбы.

В рассказе «На свету» одинокая старушка на деревенской автостанции терпеливо ждёт кого-то родного, при каждом отъезжающем в продажу морось автобусе прятая от прибывших слезящихся глаза. Автора, случайно оказавшегося рядом, до глубины души потрясает сходство старушки с Григорьевой — родной

бабушкой, давно отошедшей к Господу. «Именно по глазам, казалось мне всегда, можно отличить женщин того поколения, народившегося в разруху Гражданской, выжившего в Отечественную», — пишет прозаик и с удивлением отмечает, что общность проявилась при этой встрече ещё и в незначительных, казалось бы, деталях — белокрайке «поверх тоненького белого подшляка», авоське с нехитрыми гостинцами и узелочке на старческом плече на склизкой орошине: «Боже ты мой! И узелок — знакомый-перезнакомый! Сколько добрых воспоминаний, дорогих минут жизни связано с ним... Ведь ещё издревле, ещё с былых времён и крупное, и всяческую мелочь носили на Руси именно в платочных узлах».

С какой любовью и трепетом извлекает из памяти подробности этой забытой уже традиции русского быта и как щедро делится ими с читателем автор! А образ так и не дождавшийся гостей в промозглый вечер на деревенской автостанции старушки с узелком — воплощение всего

того прекрасного, «до перехвата в горле» необходимого, что остаётся уже в прошлом. Образ нашей уходящей малой родины, источавшей и источающей море добра и света. Неслучайно старушка отдаёт весь свой припасённый гостинец такой же одинокой, кротко присоседившейся к ней бездомной собаке. Рядом с ними в этот тёмный холодный час автор — действительно «на свету».

Рассказ «Забывая зима» читается с замиранием сердца. И какого русского не тронет чудо настоящего, знатного первого снега! Вся деревня в рассказе живет в ожидании. И вспоминается почему-то мне, читателю, необыкновенное произведение Константина Георгиевича Паустовского «Тёплый хлеб». Вот такая же лютая ударила в сказке зима,

когда незаслуженно обидел оставленного кавалеристами раненого вороного коня злой человек — Филька. Но не описание морозной зимы сблизжает эти произведения, а необыкновенный свет, родниковая чистота, лиричность и реализм. В рассказе Татьяны Грибановой побитую морозом птичку отогревают в печи, селяне переживают, не пропадут ли озимые, под соломой залегают своё ароматные подмерзшие яблоки, и снег — живой, воспетый несметным числом наших художников, прозаиков и поэтов, — обрушивается на Вселенную. И читатель замирает вместе с автором перед красотой нетронутых холмов, укрытых землёю. И это — торжество света в его душе.

Какое из повествований автора ни возьми, каждое уводит тебя, как волшебный клубок, к корням нашим заветным. В могучей связке не только с землёй, но и со всей матушкой природой жили истари крестьяне на Руси, потому получали они от неё не только хлеб насущный, а помощь и совет в нужный час и чувствовали её порой как собственное тело.

Незаменимая травка бессмертник, неувядка, как и многие другие в наших краях завоевавшая заслуженное уважение в быту сельских соотечественников, ласково воспета автором в рассказе «Неувядка». И всеми почитаемая за всегданнюю помощь баба Маня, героиня рассказа «Под Ильин день», в отличие, например, от своего старика-супруга, сохранила дар, которого нам сегодня так недостаёт: особый вид интуиции — безошибочно чувствовать происходящие в природе, даже невидимые глазу явления. А ведь это веками приобретавшийся предками в борьбе за выживание инстинкт, который мы благополучно утеряли!

Завершая чтение подборки рассказов Татьяны Грибановой произведением «Начало» — будто бы перелистывая последний страницу книги легендарного российского фотохудожника Вадима Гипперрейтера «Времена года»: так свежи картины родной природы, что, кажется, стыннут зубы от каждого глотка из этого хрустального внешнего родника.

И думаешь, что читателю не может не передаваться состояние автора, у которого, как у Николая Рубцова, жизнь и творчество освещены высокой любовью:

*С каждой избугой и тучею,
с громом, готовым упасть,
чувствуя самую жагу,чую,
самую смертную связь.*

А любовь эта не плотская, но духовная, ведь и герои рассказов Татьяны Грибановой живут в окружении традиций, бережно хранимых и передаваемых нашими православными предками.